

„ФУТЛАРНЫЕ“ ЛЮДИ.

Существовать-ли люди из футларов? Какое, по крайней мере, на нашей стороне, образование, блестящий и художественный отклик на него дается лишь из весьма небольшого, из разряда 12 страниц, разряда А. Чехов, помещенный в итальянской книге «Рус. Мысли». Развивать его содержание—трудно. Это, — по словам «Наш. Д.», откуда мы заимствуем настоящий отклик, — настоящий порок балетистики, chef d'oeuvre творчества, удивительного залога счастливой большой современности и ее болевых точек. Наш писатель, о подруге которого сообщались тревожные весты, индивиду, совершенно оправился, и читая его последнее произведение, позволяю я ему радушиться и говорить — «как бы болевых и циничных талантов обладать не только литературой». И это действительно большой и циничный талант. Но при этом, как он отдался от почальной эпохи своего творчества на вынутых злом дна, на потеху «Оскароу» и на том «Нашего Промысла», во при этом, как его произведения становятся ближе к сущности жизни и отражают все больше и больше глубину ее пучины, — сила великого произведения у него увеличивается. «Случайная история», «Моя жизнь», «Мужики», — все это грани развития последних моментов у художника, — все это произведения мощного рефлекса. Но вернемся к рассказу «Человек из футлара».

Жизнь представляется собой циничный, похотливый зоркая которой вынужден рваться контраста. Охоту им таковы рваный контрасты. А. Чехов выбрал для своего типа. Тип этот — учитель греческого языка Вилков — представляется собой правду, но на правду есть яство отражения восторгов жизни.

Что-же такое представляется нам себя Вилков?

Попытаюсь охарактеризовать его словами автора:

«Он был замечательный тип (рассказ ведется от лица товарища Вилкова, Буркина), что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил из комнаты и с зонтоником, и поспешно из толпы пальто на плечи. И зонтоник был у него в чехле, и чехлы в чехлы из срой камки и когда выходя из порочившей помы, чтобы отвести парадоксы, то в помы у него был в чехлы, и лицо, казалось, тоже было в чехлы, так как он все время прятал его в подвешенный паротань. Он носил тонкие очки, фуфайку, уши закладывал за уши, и куда садился на извозчика, прижимался поднимать порты. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стрем-

ление опутить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил-бы его, защитил-бы от внешнего влияния. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге, и, быть может, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отращивание из настоящего — он всегда казался прошлым и то, чего никогда не было; в древние замки, потому что он преподавал, была для него, в сущности, та же палочка и зонтоник, куда он прятался от действительной жизни.

— О, как звучит, как прекрасен греческий язык! — говорил он со сладким волнением; и как-бы в доказательство своих слов, прищурив глаза и поднимая чашку, произносил: «эстронос»!

«И мысли свои Вилков также старался запереть в футляр. Для него были всем только циркуляр и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь. Когда в циркуляры запрещалось ученикам выходить на улицу после десяти часов вечера или в какой-нибудь стать запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, определенно: запрещено — и basta. В развешен-же о поведении срывался для него всегда эгоистичный, что-то недосказанное и смущенное. Когда в городе разрывали драматический кружок или читальню, или чайну, то он выкатывал голову и говорил тихо:

— Оно, повество, так-то так, все это прекрасно, да как-бы того не вышло.

«Всякого рода заручения, уклонения, отступления от правил приводили его в ужас, хотя, казалось-бы, какое-ему дело? Если кто из товарищей (учителей) опаздывал на работу, или доходя до слуха о какой-нибудь проказе гимназистов, или видел классную даму поодиночке с офицером, то он очень возмущался и все говорил: «как-бы того не вышло». А на педагогических собраниях он просто угнетал нас своей осторожностью, внимательностью в своем часто футларном сообщении не считая того, что вот-де в мужской и женской гимназиях поодиночке водят себя дружно, очень живут в классы, — ах, как-бы не дошло до начальства, ах как-бы того не вышло, — в то если-бы из второго класса исключили Петрова, а из четвертого — Егорова, то было-бы очень хорошо. И что-же! Своими поделками, вытиски, своими тонкими оуками на бедной наложенной лавке, как у коры, он давил нас всех, и мы уступали, обижали Егорову и Петрову балли по пожеланиям, сажали их под арест и в помы-помы исключали и Петрова и Егорова...

Мы, учителя, боялись его и даже директор боялся. Вот, подумав, наши учителя народ вод мышлицы, глубоко пере-

дочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрыне; однако-же, этот человек, токийский всегда в паломат и с зонтоником, держит в руках все гимназии пидик пятнадцать лет! Да что гимназии? Рес-город! Наши дамы со субботами дошанить сестранкой не устали — боялись, как-бы он не узнал; и душою стеснялось при нем кутать спортивное и играть в карты. Под влиянием таких людей, как Вилков, на последние десяти-пятнадцать лет в нашем городе стала бегаться всего. Были греко-говорящие, посылать письма, знаваться, читать книги, боялись почитать библей, учить грамматику...

И вот такой педагогический суляр одним чуть не женился. Ему понравилась сестранкой назначенная учительница Коваленко, красивая, рваная, ситная и еще несовершенная рутинной и архаичностью современного педагогического мира. Понимая ее веселость, бойкий характер и ее задушевный облик, сиротливый из футлара Вилков вылез из ситной пидик и представил отарошительной, хотя и перерешенной, холмист:

— Малороссийский язык своим влиянием и архаичным научением напоминает древне-греческий.

Холмиста очень мало интересовала сравнительная лингвистика, но была в проты мыта на словах ситы диты пидик. Позову она принимала как-то греч. лаво суляр благосклонно, и весь педагогический мир заволновался, поставив себя задачей молвить этот португальский в гадкий суляр на бойкой и отеческой малоросек. Дело почти кандалилось, но совершенная пожеланность разстроила этот невозможный брак и слова, в помы лонцов, в помы человека в футляр.

Дал: в том, что в помы, когда казалось, что Вилков уже окончательно ринился продолжить свою руку в «сердце» Коваленко, когда его мысли на стою переселения Коваленко стали ускользывать в Вилков не боялся уже, женившись, помы в какому бы то ни было «истории», — случился печальный инцидент. 1-го мая, когда преподаватели гимназии в ученики собрались на общую загородную прогулку, брат и сестра Коваленко позволили себе послышанную дерзость: оба отравились на прогулку на велосиподах. Вилков «из залогого стал бдиль и точно охвачен».

— Позвольте, что-же это такое? — спросил он, — Мил, быть может, они обманывают? Рваный преподаватель гимназии и женщина орлично задать на велосиподах?

«И он был так поражен, что не захотел идти дальше и вернулся домой».

На другой день греческий суляр пошел сблизиться с Коваленко по ново-

ду неприличия была на волосок. Коваленко, живая, воспринимавшая и нервная женщина, всегда воспринимала Вилкина.

— Но я знаю, — говорил он с таким товарищеским, — как вы перевариваете этого фискала, эту мерзкую рожу. Эх, господи, как вы можете тут жить! Атмосфера у вас ужасная, поганая. Разве вы педагоги, учителя? Вы чьи драмы, у вас не хранят науки, а урвава благочиния, а кислотный инетт, как же полнотеся? Будет. Ничего, братцы, можно с вами еще повоюю и уйду к себе на курорт. И буду так раково дышать и похлещать ушей. Уйду, а вы оставайтесь тут со своим Иудой, нехай высь дохнет!

И вот из такового-то человеку греческий сутарь пришел объясняться и доказывать, что была на волосок — вещь неприличная. И сутарь, по его словам, был воодушевлен лучшим стремлением, так как хотел «предостеречь» своего товарища.

— Вы катаетесь на велосипед, а эта забавка, говорил Вилкин, — совершенно неприлична для воспитателя юношества... Разве это не пошлость? Если учитель идет на велосипед, то что же остается ученикам? Ничего остается только идти на голых! И раз это не разрешено циркулярно, то и нельзя. Не разрешено — нельзя. И вчера ужаснулся! Когда я увидела вашу сестрицу, то у меня помутилось в глазах. Женщина или девушка на велосипед это ужасно!

И «предостерегал» молодого сотоварища, Вилкин начал:

— Вы хотите из вышитой сорочки, состоящей из ушей с какими-то кляксами, а теперь жить еще велосипед. О том, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипед, узнает директор, потом дойдет до попечителя... Что же хорошего?

Результат объяснения был очень нечеловеческим. Вилкин заявил, что он сочтет долгом передать содержание разговора с Коваленко директору, а Коваленко в ответ на это сказал то, что сказал бы на его месте каждый порядочный человек, т. е. спугнуть греческого сутара по лестнице. Сутарь заболел и через сутки умер. И его хоронили с большим удовольствием. «Вилкина хоронили, — говорил Буркин, — а сколько еще таких человек из футляра осталось, сколько из еще будет!»

Такое содержание трагического рассказа А. Чехова.

Мы сказали выше, что писатель для своего типа выбрал крайность. Здесь мы должны оговориться, что эта крайность носит чрезвычайное житейский характер. И житейский, конечно, потому, что для типа не имеет ни кто иной, как педагог. Всякая писатель судья, наблюдатель, притом, журналиста, адвоката, — вот сказали бы, что автор преувеличил, спугнул

ду неприличия была на волосок. Коваленко, живая, воспринимавшая и нервная женщина, всегда воспринимала Вилкина.

— Но я знаю, — говорил он с таким товарищеским, — как вы перевариваете этого фискала, эту мерзкую рожу. Эх, господи, как вы можете тут жить! Атмосфера у вас ужасная, поганая. Разве вы педагоги, учителя? Вы чьи драмы, у вас не хранят науки, а урвава благочиния, а кислотный инетт, как же полнотеся? Будет. Ничего, братцы, можно с вами еще повоюю и уйду к себе на курорт. И буду так раково дышать и похлещать ушей. Уйду, а вы оставайтесь тут со своим Иудой, нехай высь дохнет!

И вот из такового-то человеку греческий сутарь пришел объясняться и доказывать, что была на волосок — вещь неприличная. И сутарь, по его словам, был воодушевлен лучшим стремлением, так как хотел «предостеречь» своего товарища.

— Вы катаетесь на велосипед, а эта забавка, говорил Вилкин, — совершенно неприлична для воспитателя юношества... Разве это не пошлость? Если учитель идет на велосипед, то что же остается ученикам? Ничего остается только идти на голых! И раз это не разрешено циркулярно, то и нельзя. Не разрешено — нельзя. И вчера ужаснулся! Когда я увидела вашу сестрицу, то у меня помутилось в глазах. Женщина или девушка на велосипед это ужасно!

И «предостерегал» молодого сотоварища, Вилкин начал:

— Вы хотите из вышитой сорочки, состоящей из ушей с какими-то кляксами, а теперь жить еще велосипед. О том, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипед, узнает директор, потом дойдет до попечителя... Что же хорошего?

Результат объяснения был очень нечеловеческим. Вилкин заявил, что он сочтет долгом передать содержание разговора с Коваленко директору, а Коваленко в ответ на это сказал то, что сказал бы на его месте каждый порядочный человек, т. е. спугнуть греческого сутара по лестнице. Сутарь заболел и через сутки умер. И его хоронили с большим удовольствием. «Вилкина хоронили, — говорил Буркин, — а сколько еще таких человек из футляра осталось, сколько из еще будет!»

Такое содержание трагического рассказа А. Чехова.

Мы сказали выше, что писатель для своего типа выбрал крайность. Здесь мы должны оговориться, что эта крайность носит чрезвычайное житейский характер. И житейский, конечно, потому, что для типа не имеет ни кто иной, как педагог. Всякая писатель судья, наблюдатель, притом, журналиста, адвоката, — вот сказали бы, что автор преувеличил, спугнул

краски, считая под неправильным углом и высказав карикатуру, анекдот, а на картоне действительной жизни И не правда-ли все это певного патетизма и кляксы? Человек съехался, весь ушел из себя, оправдание своей жизни нашел в первом языке, любовь понимал, как лживый, циркулярно позволение, и живет какою-то особенною жизнью, и нитю лжи улитка да устрица. Но раз дело касается педагога, всё должно согласиться, что это именно и должно так быть. С общей точки зрения это — контраст и крайность. Но общая точка зрения часто пропускает самые важные детали жизни. Педагог — это деталь, но деталь чрезвычайно характерная и притом — принципиальная. И притом педагог играет в жизни не такую малую роль, как об этом можно было бы подумать по первому разу.

И художественная прелесть рассказа А. Чехова заключается именно в том, что он ярко, рельефно и определенно поставил точку над *i*, — и сонный протест, выходящий из рассказов показал, до чего доводит этот самоограниченный боязнь в жизни, до чего доводит он душу интеллигентного человека. Вилкин кажется нам вырождкой, какою-то глупой и пошлостью, явном, появившемся случайно, — но философ Буркин отбрасывает нашу определенно: сколько еще таких человек из футляра осталось... А осталось так много человек много, — больше, чем можно считать все жизни. И этому нельзя не верить, — по крайней мере, тот, кто глядит на жизнь разумными глазами, не может пройти мимо «футлярных» людей.

Каждый человек позволив запереть в своем футляре. У одного этот футляр широк, но дает простор его индивидуальности, его стремлениям; у другого он узок и давит все такое, что выныкает из души. У педагога футляр очень узок. Но это — крайность, — согласился, что это — крайность, — возмущая среднюю обывателя, со средними способностями, со средними стремлениями, со средними идеалами. Разве в нем не заперты в футляре футлярность, правда, слушать вся жизнь, во всем многообразии ее проявления. Но разве эта шумная, многосторонняя жизнь не составляет много нормных лучей, разве она не служит оправданием жизни, на которую обречены и удаляются все заперты отмычки сердца.

И дело, конечно, не только в педагогике. Вилкин, конечно, так естественно и ярко выведен из жизни. Дело просто в людях, дело в людях, не существующих на свете, а в футлярах людей и не поругать-ли они тогда жизнь свою запертыми изгибами, своим сутарным тупицей, все поступками, все умозаключениями? Этого вопроса

-3-

Пермские губ. ведомости.

1898. 14 августа. № 177.

С. 2.

Ан. Чеховъ ставитъ определенно и не колеблясь определенно говорить, что эти футлярные люди убиваютъ окружающую жизнь, точно микробы инфекціонной болѣзни.

Правда, Ан. Чеховъ ни довода дѣло до конца. Онъ не показалъ, въ чемъ суть вопроса. Онъ не разъяснилъ, что каждый человѣкъ — кузнецъ собственного счастья, что каждый живетъ въ томъ футлярѣ, котораго онъ достоинъ. Но выводы напрашиваются сами собою. Тотъ, кто заперся въ улитку личныхъ дѣлъ, тотъ, кто смотритъ на мирозданіе, какъ на презвѣтъ циркуляра, тотъ, кто всѣ жизненные соки тратитъ на мертвечину, тотъ, кто слезу ума, души и сердца приливаетъ на микроскопическое, по своей цѣнности, нулевое дѣло, — тотъ началъ жизнь, тотъ выбившій изъ строя человѣкъ или просто — трусъ. Кто не устаетъ бороться, кто живетъ по вѣрціи и свой духъ подчиняетъ господствующему руслу, кто облачается въ идеальную жизнь — циркуляръ, нечъ живетъ и дышетъ, видитъ и нечъ источникъ благи земныхъ и небесныхъ, — тотъ — счастливый сукарь, въ за престола мертвечины не ввязавшійся жизнь.

И чего досаждаетъ то, что футляръ жизни надѣвается каждымъ человѣкомъ добровольно. Никто не заставляетъ «человѣковъ» одѣвать оковы неприступности, безжизненности и абстрактности. Люди сами, по своей охотѣ, надѣваются на себя дурацкій колпакъ, — и ходить въ немъ, доводить самихъ себя и свою судьбу. Всѣ они являются большими наивностями, чѣмъ самъ наивъ. Приситившися и всѣмъ угнетенны, они полагаютъ, что жизнь въ этомъ и должна заключаться. Педагоги — самые ярые тѣмъ въ этомъ отношеніи. Но имъ — всѣ педагоги, когда поморно гнетъ своимъ нмъ предъ жизнью и не на одно мгновенье не противопоставляетъ ей...

Ан. Чеховъ задѣлъ болѣе нѣтъ нашей современности и ее большіе вопросы. Что такое современный интеллигентъ? — Человѣкъ въ футлярѣ. Безжалостно, но верно писатель бросаетъ горькое названіе прямо въ лицо и зоветъ насъ пробудить это обмѣненіе. Но мы не хотимъ. Мы прекрасно сознаемъ, что это такъ. Мы знаемъ, что мы лучше лишился руки, чѣмъ разрушить ту келью полъ ольи, какую мы построили себѣ, дабы найти въ ней прибѣжище и покой. Прибѣжище и покой — нмъ идеаль. Къ нему мы стремимся, — и нмъ — après nous le déluge.

Люди въ футлярѣ обнаружатъ насъ воздѣ и нмъ. И если мы, добровольно одѣвающие на себя этотъ футляръ, неслѣдуетъ нечъ жизни, то развѣ неслѣдуетъ нечъ смерти, неподумавъ смерти подобнаго насъ за эту раскатальную, — нмъ растительной, нмъ она соединена со статуей, — нмъ?